

А. Н. МУРАВЬЕВ

Римские письма

<Фрагменты>

ПИСЬМО III

Торжество Вербное

(Празднование Вербного Воскресенья)

В этот год наша первая седмица Великого поста соответствовала шестой у римлян, и когда мы праздновали Неделю Православия, они совершали уже Вербное торжество. За несколько дней до праздника начались приготовления для службы папской, в базилике св. Петра. Посетив однажды великолепный храм сей, я увидел в нем толпу работников, с топорами в руках, строящих из досок подмости и ложи... Большая пурпурная завеса, усеянная звездами, уже была натянута поперек горней части храма и к ней был приставлен высокий амвон, но еще не было на нем трона. Два ряда скамей стояли полукружием около сего амвона, для высшего духовенства; по обеим сторонам устроены были верхние ложи для римских князей и царственных особ; пониже их находились места для почетных дам и дипломатического корпуса; ближе к главному престолу, с правой стороны, амвон для папского хора. Все это было уже отчасти обтянуто красным бархатом или сукном, частью же еще виднелись голые доски. Поверх завесы издали представлялась горняя кафедра Петрова на недоступной высоте, с парящим над нею Духом Святым.

<...> В день Вербного торжества я взшел опять в храм св. Петра; мне представилась только одна лицевая сторона богослужения римского <...>. Служба уже началась, когда я взшел в церковь и с трудом стал пробираться к дипломатической трибуне... Я взшел наконец на то возвышение, где сидели иностранные министры, которые собрались на этот выход папский, как у нас ко двору, и оттоле окинул взором всю часть церкви, простиравшуюся от престола до трона: она была устлана великолепными коврами. Сам престол, окруженный

в некотором отдалении стражею, обставлен был ближе канониками св. Петра и домашней прислугой папы; они стояли живописною группою, на его широких ступенях, в багряных и лиловых рясах, с горностаевыми воротниками. Кардинал-пресвитер, который был должен совершать литургию, сидел у подножия престола, в золотом облачении, вместе со своим клиром.

Напротив алтаря, в далеком от него расстоянии, на пурпурном троне и амвоне о семи ступенях, под великолепным балдахинном, который поддерживали два парящих Ангела, восседал, в белой широкой мантии и белой митре, сам папа. По сторонам его два кардинала-диакона, в парчевых стихарях, а по правую руку сидел на том же амвоне, также в облачении, старший из кардиналов или декан их, сана епископского, строгий жизнью Микара, принадлежащий к ордену капуцинскому; седая борода придавала ему много величия; тут же на ступенях трона стоял, в черной одежде, один из князей римских, имеющих исключительное право присутствовать при троне папы во время его служения. Другие ассистенты, но только сана духовного, сидели по левую сторону папы и в числе их титулярный патриарх Константинопольский (латинского обряда. — *Сост.*).

...От папского трона выдавалось в церковь широкое полукружие обтянутых багряницею скамей, двойных с правой стороны и тройных с левой: на внутренней скамье справа сидели, в парчевых ризах и белых митрах, кардиналы-епископы и пресвитеры, а за ними епископы и аббаты. Налево же от трона одни кардиналы-диаконы, в стихарях и митрах, потому что митра есть общее украшение всех кардиналов, и также с своими прислужниками; а позади их, на двух скамьях, почетные прелаты и начальники духовных орденов.

Подле скамьи старших кардиналов стояли в ряд государственные сановники области Римской, облеченные в сан духовный, и между ними великий инквизитор в одежде доминиканской, и губернатор города Рима, и министр военный с председателями различных судебных палат. Все они, равно как и охранители Рима, при пении Символа веры и «Славы в вышних Богу», садились на ступенях папского амвона, составляя одну группу, как бы участвуя в священнодействии: а у подножия престола два церемониймейстера, в черных одеждах, с серебряными булавами, довершали чиноположение двора папского в час богослужения.

<...> Не стану описывать в подробности всех обрядов священнодействия, при котором только присутствовал папа, но скажу лишь то, что наиболее меня поразило.

Прежде всего поднесены были папе три пальмы, сплетенные наподобие иерусалимских, для их благословения и окропления святою во-

дою. Предание историческое связано с сими пальмами: когда по воле Сикста V воздвигался обелиск на площади Ватиканской и, под угрозой смертной казни, запрещен был всякий малейший шум в народе, чтобы не смутить зодчего Фонтану, — в столь решительную минуту один молодой моряк генуэзский, заметив, что сухие канаты, на коих висел обелиск, готовы порваться, не утерпел крикнуть: «Намочите канаты!» и тем предохранил от падения каменную громаду. Папа, в знак своей признательности, позволил отважному юноше просить у него все, что пожелает, и он просил только, чтобы его семейство на все будущие времена пользовалось исключительным правом доставлять в базилику св. Петра пальмы, на день Вербного торжества, что и доныне свято соблюдается.

После благословения пальм кардиналы, патриархи, епископы, прелаты и все сановники светские и духовные, а за ними посланники и почетные миряне, стали, один за другим, подходить к трону папскому, для принятия пальм из собственных его рук, но с тою разницею, что кардиналы целовали только его руку, патриархи и епископы колено, а прочие власти, мирские и духовные, ногу: для сего поставлена была, на высоком амвоне, скамейка, и два кардинала-диакона беспрестанно открывали и закрывали, широкими крыльями ризы святительской, его колено и ногу. Сам папа, с приветливой улыбкой, подавал каждому пальму, во время пения антифона: «Отроки еврейские, носящие ветви масличные, сретили Господа, взывая и глаголя: осанна в вышних».

Потом римский князь, прислуживающий у трона, в сопровождении прелата, двух клириков и обоих церемониймейстеров с булавами, поднес умывальницу, для омовения рук Первосвященника, и он, поддерживаемый двумя кардиналами, сошел с трона к алтарю, перед которым уже изготовлено было для него пурпурное кресло на носилках. Кардиналы укутали его ноги длинной мантией и подали в руку пальму, а 12 его придворных конюших, в красных платьях, с закидными рукавами, легко подняли себе на плечи царственного старца, который весь побледнел и закрыл глаза, потому что не может выносить сего неприятного движения.

Между тем начался крестный ход, при пении антифонов, составленных из слов евангельских: «Егда приближися Иисус во Иерусалим, посла два ученика, глаголя им: идите в весь (селение. — *Сост.*)» и прочее. Впереди шли другие конюшие папские, за ними прокураторы, адвокаты судебных палат и его домашняя прислуга, певчие, крестовые клирики, маршал священников палат; потом несли большой крест, всегда предшествующий папе, и следовали каноники базилики св. Петра, почетные прелаты, епископы, патриархи, кардиналы,

со своею домашнею свитою, три охранителя Рима, князь римский, губернатор столицы, два прислуживавшие кардиналы-диаконы, обер-церемониймейстер и сам папа на носилках, окруженный своим военным штабом, с благородною стражей римскою. Около него несли семь мечей швейцарских кантонов, оставшихся верными Римской Церкви, и веяли павлинья опахала. ...Крестный ход вышел из храма и остановился у внешних врат, которые затворились на время, а между тем несколько клириков, оставшихся в храме, пели торжественный гимн: «Слава, хвала и честь Тебе, Христе, Царю и Искупителю, Ему же отроческая краса вознесла благоговейное осанна!». Им отвечал хор певчих извне дверей, последующими стихами, несколько подобно тому, как бывает у нас при освящении храма, и тогда отперлись врата, и весь крестный ход взошел тем же порядком в базилику, при пении антифонов: «Входящу Господу во святыи град, отроки еврейские воскресение живота (жизни.— *Сост.*) предвозвестили, с масличными ваяями (пальмами.— *Сост.*) взывая: осанна в вышних!».

Мимо меня пронесли опять Первосвященника и спустили на землю близ престола. Лицо его оживилось, когда взошел он и воссел на свой трон <...>.

Епископы армянский и униатский участвовали также, в числе прочего духовенства, в Вербном торжестве, и невольно бросались в глаза облачение и митра восточного архиерея, промежду западных одежд и остроконечных митр; черная окладистая борода отличала его от прочих. По окончании крестного хода кардиналы сняли с себя облачения парчевые и облеклись в смиренные одежды, т. е. лиловые мантии вместо багряных, по случаю воспоминания Страстей (страданий.— *Сост.*) Господних, с коим соединено на Западе Вербное торжество. Некоторые сохранили одеяния различных монашеских орденов, к коим принадлежали, но у всея была багряная скуфья. Кардинал-пресвитер стал совершать обычную литургию на главном алтаре.

<...> Во время чтений Апостольского послания к Филипписеям: «сие же да мудрствуется в вас, еже и о Христе Иисусе» (гл. II), когда чтец дошел до сего знаменательного места: «яко да о имени Иисусове всяко колена преклонится, небесных и земных и преисподних», папа, все кардиналы и епископы преклонили колена, и весьма благоговейно было такое видимое исполнение слов апостольских. За сим следовало долгое чтение или, лучше сказать, пение страстного Евангелия от Матфея, которое надлежало слушать стоя.

<...> Три диакона стали с правой стороны, ближе к хору, и распевали пение евангельское монотонными речитативами; тот, кто пел баса,

произносил все собственные слова Христовы; тенор читал нараспев самый текст, т. е. историческую часть; альт отвечал на слова Господни везде, где только в одно лицо говорило, кто бы оно ни было, — апостол или Пилат, или служанка, говорившая с Петром; но лишь только двое или более начинали речь вместе, в тексте евангельском, за них уже возглашал хор, и это была лучшая часть пения, потому что музыка сих хоральных возгласов составлена древними гениальными сочинителями.

<...> Хор сей всегда заменяет оргán, при служении или присутствии папы, и это свидетельствует в пользу вокальной музыки, что она и на Западе признается более приличною для богослужения, нежели оргán... Когда во время пения евангельского произнесены были слова о кончине Господней: «Иисус же паки, возгласив велиим гласом, испусти дух», вся церковь опять благоговейно преклонила колена, и вслед за сим папа возвратился из-за завесы на свой трон.

Пред совершением даров он сошел с его высоких ступеней и с умилением стал на колена у приготовленного для него наложия пред алтарем. Должно отдать полную справедливость царственному святителю, что старческое лицо его всегда выражало то искреннее благочестие, каким он проникнут в храме, так что он своей наружностью более прочих внушает благоговение и к себе, и к святыне.

<...> В самую минуту освящения даров, когда кардинал-пресвитер поднял к небу освященный Агнец, все присутствующие и все войско, окружавшее престол, пали на колена, воздав оружием своим честь святыне, и хотя самый звук ратного оружия совершенно не в гармонии с мирною жертвою, возносимою на алтарь, но водворившееся после сего глубокое молчание, в необъятном храме, и умилительное зрелище всей церкви на коленях, начиная от папы и до последнего воина, придавало много торжественности сему мгновению, единственному во всем богослужении римском.

По окончании литургии папа произнес, с высоты своего престола, благословение всей пастве, с осенением рукою, которое церковь приняла также на коленях; потом, тем же порядком, понесли его из храма, в сопровождении клира, двора и стражи; но не в главные врата, а к боковым дверям, ведущим (с. 105) на лестницу ватиканскую, из придела Св. Тайн; там оставили его кардиналы, и он, сойдя с носилок, возвратился пеший в свои внутренние покои. Таково было для меня первое впечатление торжественной литургии в присутствии папском, где ясно отразился весь характер Церкви, собственно Римской, обремененной готическими формами, которые передали ей на хранение Средние века.

ПИСЬМО IV
Служба Страстной Недели.
Великая среда

Первые три дня Страстной недели не были ознаменованы у римлян каким-либо особенным богослужением <...>. С вечера Великой среды начался духовный церемониал римский, в придворной церкви ватиканской, сохранившей имя своего основателя папы Сикста IV; туда устремились, в четыре часа пополудни, высшее общество римское и все иностранцы, для слушания знаменитого «мизерере», или псалма «Помилуй мя, Боже», который поют певчие папские на конце всенощной. Музыка сия умилительна и достойна внимания как одно из лучших произведений славного Аллегри, но надобно много терпения, чтобы ее дождаться.

...Вся служба разделена на три статьи, и каждая состоит из чтения трех псалмов и пения антифонов между ними, которые выражают плачевные события сего дня. Три паремии из плача Иеремиина, три отрывка из толкований на псалмы блаженного Августина и три чтения из первого послания к коринфянам следуют постепенно за псалмами, и в заключение читаются еще псалмы хвалебные, также перемешанные с антифонами. Вся сия служба должна изображать предание (на распятие. — *Сост.*) и страсти (страдания. — *Сост.*) Господни.

<...> Папа, все кардиналы и некоторые из прелатов, в траурных платьях, присутствуют ежедневно на сих службах, утренних и вечерних, которые совершались прежде в различных церквах римских, по старинному расписанию дней, что и доселе называется «стояния» (стационес). Но со времени удаления пап в Авиньон (в 1309 г. — *Сост.*), они принуждены были там совершать богослужение в домовой своей церкви, по неимению приличного собора, и этот обычай остался и после их возвращения в Рим (в 1377 г. — *Сост.*). <...> В продолжение службы постепенно гасят, одну за другой, шесть свечей, поставленных на алтарь, и девять на боковом налое, с правой стороны против папы; это выражает, по толкованию римскому, как апостолы и мироносицы (иначе — три Марии) оставили Господа во время Его предания (на распятие. — *Сост.*); но апостолы разбежались все вдруг, жены же не были во время предания и остались верными при кресте и гробе.

<...> Пред началом «мизерере», во время пения антифона: «Предатель же, даде им знамение, глаголя: Его же аз лобжу (целую. — *Сост.*) той есть, имите его», начинают гасить все огни, и папа сходит со своего трона, чтобы стать на колена у приготовленного для него налоя, на все время пения псалма; то же делают все кардиналы, каждый

у своего места, а между тем хор возглашает сии торжественные слова: «Христос ради нас послушлив был даже до смерти, смерти же крестныя; тем же и Бог Его превознесе и дарова Ему имя, еже паче всякаго имени» (Ф. II. 8.9.).

После трогательного пения псалма «Помилуй мя, Боже» самым высоким гласом в совершенном мраке и краткой отпустительной молитвы, около алтаря внезапно производят шум, и все спешно и молча расходятся в боковые двери церкви. Долго не мог я понять и даже расспросить кого-либо знающего, что значит этот шум, повторяемый три дня сряду после каждого «мизерере»; наконец мне объяснили, что это выражает шумное сонмище иудейское, устремившееся на Господа в час предания.

ПИСЬМО IV

Служба Страстной Недели. Великий Четверг. Месса. Умовение ног

Служба Великого четвертка была самая длинная и утомительная из всей седмицы, и удивительно, как престарелый папа, совершавший сам все его обряды, кроме литургии, мог найти в себе довольно сил, чтобы все исполнить с подобающим благоговением. Торжественная обедня, которая в древности совершалась самим папою, в патриаршем соборе Латерана, теперь бывает в той же тесной церкви Сикстовой, и место папы заступает старший из кардиналов, сана епископского; сам же Первосвященник только присутствует на боковом троне, в светлой мантии и золотой митре, а кардиналы в траурных, т. е. лиловых мантиях без облачений.

Служба начинается по обыкновению их поклонением папе: каждый, по порядку старшинства, идет от своего места к его трону, распустив воскрилия своей мантии, которую расправляют им на ступенях, чтобы не запутались они в широких складках; за сим следует Божественная литургия, с пением придворного хора папского, и есть стройные напевы, потому что их творцом был славный Палестрина, отец церковной музыки итальянской. Апостол читается тот же, что и у нас, но Евангелие другое, Иоанново о умовении ног. Прежде совершения даров, при пении серафимского гимна, 12 придворных служителей, в красных одеждах, становятся на коленях по обеим сторонам престола, с зажженными в руках свечами.

Священнодействующий освящает два агнца, один для собственного причащения, другой же для преждеосвященной литургии следующего дня, и сей второй агнец полагается в драгоценный кристальный потир; кардиналам же и прелатам раздаются свечи, и они облакаются

в свойственные им священные ризы. Тогда папа, поддерживаемый двумя кардиналами-диаконами, сходит со своего трона и поднимает священный потир с алтаря, чтобы нести его из церкви Сикстовой, чрез царскую залу, в другую церковь — Павлову, где Св. Тайны должны пребывать до литургии Великого пятка, на великолепном алтаре, убранном тысячами свечей, и такой алтарь называется огненной капеллюю или святым гробом.

Процессия эта весьма трогательна, хотя и здесь предшествует стража швейцарская и последуют воинские и придворные чины, но они менее заметны в толпе народной, и лицо епископа превозмогает над царским в Первосвященнике. Впереди несут патриарший крест его, осененный покрывалом в знамение печали; прелаты и кардиналы идут попарно, со свечами и с митрами в руках; за ними папа, с обнаженной головой, несет Св. Тайны, под сенью, которую поддерживают епископы; сам он настолько был проникнут важностью сего действия и благоговением к несомой им святине, что невольно умилялось сердце при виде епископа старшей кафедры, с телом Господа своего в старческих руках, как бы совершавшего таинственное Его погребение; а между тем лики пели, предшествуя тайнам и объясняя их: «Изглаголи язык таинство пречестнаго тела и драгоценной крови, юже за цену мира, плод благородной утробы, излил Царь языков (народов. — *Сост.*). Слово, еже плоть бысть, словом творит свою плоть истинный хлеб, и претворяет вино в кровь Христову; аще же чувства не досягают сего, но к утверждению искренняго сердца довлеет веры единой».

По возвращении крестного хода, из церкви Павловой в Сикстову, тем же порядком, немедленно следовала вечерня, чтобы назнаменовать самое время Вечери тайной; между тем все устремились на площадь св. Петра, или на одну из галерей поверх ее колоннады, чтобы видеть благословение папы с балкона ватиканского. Дождливое время не благоприятствовало сему зрелищу; мало было народа на площади, больше войска; но со всем тем утешительно видеть пастыря, благословлявшего с высоты храма апостольского свою паству.

<...> От благословения папского все поспешили опять, чрез царскую залу и церковь Сикстову, в базилику св. Петра, на омовение ног, которое там должен был совершать папа тринадцати странникам. Прежде происходило оно у св. Иоанна Латеранского и, может быть на ступенях священного крыльца Господня, как теперь в Иерусалиме бывает на ступенях крыльца св. Елены, ведущего на Голгофу. Число же тринадцати, превышающее лик апостольский, принято от того, что св. папа Григорий Великий, угощая ежедневно у себя в обители 12 убогих, однажды сподобился угостить между ними Ангела, и вси сии 13 в Риме называются апостолами.

Мы взошли в базилику, малым боковым входом, в правую ветвь ее креста, где находятся под алтарем мощи двух стражей апостола Петра, им окрещенных в темнице. Алтарь сей был заставлен великолепным тронем папским, позади коего на пышной ткани изображена аллегорическая картина: Провидение, восседающее на земном шаре, между Правосудием и Любовью, а по сторонам их два льва с хоругвями церковными. <...> Ткань великолепной работы, изображавшая Тайную вечерю, висела над тем возвышением, где сидели, все в ряд 13 странников, в белых хитонах и остроконечных белых колпаках. Напротив их были приготовлены места для дипломатического корпуса, а посредине по обыкновению стояло войско. Когда папа и кардиналы заняли свои седалища, один из диаконов возгласил Евангелие от Иоанна, о умовении ног на Вечери, и потом хор запел антифоны дня сего: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга, якоже и Аз возлюбих вас, рече Господь», и во все время умовения продолжались антифоны, составленные из слов евангельских со стихами псалмов.

Тогда папа, сняв с себя багряную мантию и оставшись в одном подризнике, с эпитрахилью и в белой митре, опоясался лентием и, предшествуемый двумя церемониймейстерами, с булавами, и двумя кардиналами-диаконами, подошел к скамье странников. Он ставил обнаженную ногу каждого из них, в серебряное блюдо и сам, преклонив колена, слегка омывал, отирал ее и потом целовал. Четыре домашних его прислужника шли за ним, с нужною для сего утварью, и каждый из странников получал, тотчас после умовения из рук кардинала-диакона, связку цветов и две медали, золотую и серебряную, на память оказанной ему чести Первосвященником. Возвратившись на свой трон, папа омыл себе руки и, прочитав окончательную молитву, распустил собрание.

Из храма все устремились опять на верх базилики, в так называемую ложу ватиканскую, которая находится над главным портиком. Добродушный папа, желая всем доставить утешение видеть трапезу странников, с некоторого времени там совершает сие угощение, бывшее прежде в залах ватиканских.

<...> Появились 13 странников, каждый со связкой цветов, и стали все в ряд за длинный стол, великолепно убранный позлащенными сосудами и цветами. Пришел и папа из церкви Павловой, которая примыкает к сей зале, в обыкновенной белой одежде, с эпитрахилью, багряным воротником и белою скуфьею; с ним были его придворные служители, в коротких лиловых эпанчах, которые на коленях подавали ему блюда. Он стал впереди стола, благословил трапезу, и когда сели странники, начал подавать каждому из них, через узкий стол, явства, принимаемые им из рук служителей; потом наливал каждому

из своих гостей вино, и так беспрестанно переходил от одного конца стола к другому.

<...> Державный старец глубоко был проникнут смиренным своим действием, и совершал его, при всем своем утомлении, с усердием и с евангельской простотою; казалось, в эту минуту он совершенно забыл высокий сан свой и как бы возвратился к прежним дням иноческой своей убогой жизни, в обители великого папы Григория, который подал ему там образец нищелюбия.

Когда мы вышли из ложи в царскую залу, чтобы спуститься на Петрову площадь, по великолепной лестнице Ватикана, внезапно открылась для выхода папского церковь Павлова и блеснули глазам нашим Св. Тайны на алтаре, как бы в пламени бесчисленных огней, охвативших всю стену: зрелище это было великолепно.

ПИСЬМО IV

Великий Четверг.

Всенощное бдение

Вечером, в 4 часа, была опять всенощная в церкви Сикстовой; но утомленный папа уже не присутствовал, сберегая силы свои для будущего великого дня, и я предпочел идти в храм св. Петра, где также совершалось бдение в приделе хора, над мощами св. Иоанна Златоуста: пение григорианское каноников базилики понравилось мне более папского хора, не исключая даже и знаменитого «мизерере», которое было более величественно в сумраке собора.

Около пяти часов вечера встречен был канониками, в главных вратах храма, кардинал великий пенитенциарий или духовник, который сел, с длинным жезлом в руках, на свою деревянную кафедру. Около нее, со стороны ризницы, стоят в этой части храма исповедальные кафедры, для всех почти главных языков (народов. — *Сост.*) вселенной, где в течение Страстной недели исповедуются разнородные богомольцы, сошедшиеся в Рим, и эта черта вселенства поражает взоры, когда читаешь наверху кафедр: для языка греческого, немецкого, французского, венгерского, иллирийского и проч. Русского я не нашел... Около 50 человек собралось около его кафедры; и он, отпустив грехи их прикосновением жезла и посидев еще немного, встал со своего места и удалился из храма.

<...> Немного спустя вступило в базилику собрание богомольцев, с хоругвями и крестами, при пении гимнов. Они были одеты в странные наряды красного цвета, с покрывалами на лице, в виде остроконечного колпака, где были прорезаны отверстия для глаза, чтобы смирение римских вельмож и дам не обнаружилось миру. Это

так называемые братства («конфрери»); обычай сей сохранился еще от Средних веков.

<...> Они останавливались против гроба апостола, преклоняя колена, и около алтаря Св. Тайн, великолепно украшенного, в самом углу собора, и потом удалились тем же порядком. По окончании все-нощной и уже в совершенном сумраке началась другая церемония, весьма торжественная, которая достойно заключила собою величие дня. Все каноники и клирики базилики, в черных одеждах, со своим протопресвитером-кардиналом, соборно приблизились к главному алтарю над гробом апостола, и сняв с него богатые украшения, стали омывать благовонным вином обнаженную доску престола, при пении антифона: «Разделиша ризы Моя себе, и о одежде Моей меташа жребий». Когда омыт был алтарь постепенно всеми канониками, все духовное собрание стало на коленях по ступеням его и около, возгласящая тот же стих и последующие антифоны: «Христос же ради нас послушлив был даже до смерти, смерти же крестной».

После того все опять преклонили колена, с левой стороны престола, ожидая благословения святынею, с балкона одного из четырех основных столпов храма. На недоступной высоте, куда не восходит никто, кроме каноников Св. Петра, показались внезапно во мраке светильники, и явившийся там пресвитер осенил предстоявших, сперва животворящим Крестом Господа, потом копием, пронзившим Его ребра, и нерукотворенным Его ликом. Издали невозможно было ничего распознать из этой святыни, но зрелище было величественно: вся огромная базилика во мраке, ибо все свечи и лампы над обнаженными алтарями были погашены, исключая сих горних светильников; размеры храма росли от самого сумрака и казались необъятными, как будто бы здание расступилось во все стороны и сделалось чем-то дивным, выходящим из пределов человеческих; а посреди его глубокое гробовое молчание и только легкий шепот молитвы.

С одним из моих соотечественников — кн. Б.* поехал я осматривать некоторые церкви, где были выставлены Св. Дары на алтаре, с особенным великолепием, как то у св. Антония Португальского (Падуанского. — *Сост.*)¹, у св. апостолов и в обители иезуитов. Везде с глубоким благоговением молился народ пред Св. Дарами, ярко освещенными, на страже коих стояли священники, читая молитвы, а кое-где и воины для порядка. В роскошном храме иезуитов, замечательном по своим мраморам и лазури, украшающей гроб их основателя (Игнатия Лойолы. — *Сост.*), ректор (конгрегации) пропаганды (веры) говорил с большим жаром проповедь о Страстях Господних; так было и в других главных храмах, или проповедь, или яркое освещение, привлекавшие толпу богомольцев.

ПИСЬМО IV

Великая Пятница

На следующий день Великого пятка поспешил я опять в церковь Сикстову, где совершалось за литургией поклонение Св. Кресту: но в прежние времена крестный умилительный ход направлялся из Латерана, с честным деревом и преждеосвященным Агнцем, в базилику св. Елены, и, начиная от папы до последнего мирянина, все шли босыми ногами от храма и до храма; теперь же все заключено в стенах ватиканских.

Церковь и ее представители в глубоком трауре. Кардиналы в шерстяных лиловых мантиях, папа в багрянице и в белой митре, но трон его обнажен совершенно и без балдахина, и ему прислуживает один только из титулярных патриархов.

...Началась литургия Преждеосвященных даров, единственная во всем году у римлян, когда наша, совершаемая в течение целого поста, носит имя великого папы Григория и обязана ему окончательным своим устройством. Кардинал, великий духовник, служил сию обедню на алтаре без светильников, на котором простерта была Плащаница, в память той, что обвивала Тело Господне. Читали две паремии, разделенные пением антифонов: одну пророка Осии, другую из книги Исхода о пасхальном агнце, и потом пели Евангелие Страсти от Иоанна, так же как и в Вербное воскресенье, три диакона с возгласами хора. Музыка хоральных возгласов величественна, и если следовать, с книгою в руках за пением, то есть и высокие минуты.

Так, например, когда Господь спрашивает: «Кого ищете?» певцы громко отвечают: «Иисуса Назорея!», и опять слышится тихий голос Его: «Аз есмь». Сильными аккордами изображен также вопль иудеев на слова Пилата: «Се человек!» — «Распи, распни Его!» или когда он говорит: «Се Царь ваш!» — опять страшный их отзыв: «Возьми, возьми, распни Его!». Все сие производит впечатление сильное; умилительна та минута, когда при последних словах Господа «Совершишася!» папа, кардиналы и вся церковь преклоняют колена и водворяется молчание как бы в ожидании землетрясения и затмения.

Латинская проповедь, о страдании Господнем, следовала за Евангелием страсти, и в подражание Господу, молившемуся на кресте, произнесены были оснадцать коленопреклоненных молитв: о благостоянии Церкви, о верховном Понтификсе, о епископах и всем чине церковном, о императоре римском, которого уже нет, об оглашенных, о страждущих, плененных, путешествующих, о еретиках и схизматиках, дабы обратились и присоединились, о коварных

иудеях, дабы снято было покрывало с очей их и познали они Господа Иисуса; но на эту молитву хор не отвечает «аминь» и не преклоняет церковь колена, дабы не подражать самим иудеям, которые преклоняли с посмеянием колена пред Господом, когда зывали Ему: «Радуйся, Царю иудейский!» Последняя молитва о язычниках также с коленопреклонением.

Тогда началось поклонение честному Кресту: священнодействовавший кардинал, сняв с себя верхнюю ризу, подошел к правому углу алтаря и там принял, из рук диаконов, Животворящий Крест в черном покрывале, который был прислан патриархом Иерусалимским Иувеналием папе Льву Великому. Обратясь к народу, он стал понемногу открывать верхнюю часть Креста с сими словами: «Се древо Креста», и хор возгласил ему в ответ: «Приидите, поклонимся». Папа и вся церковь поклонились до земли.

Кардинал подвинулся несколько к середине алтаря и, открыв правую ветвь креста, произнес те же слова, и опять хор: «Приидите, поклонимся», и опять общее поклонение. В третий раз возгласил кардинал уже на середине алтаря, и открыв совершенно крест: «Се, древо Креста, на нем же повешен Живот мира (жизнь мира — Иисус Христос. — *Сост.*)», и снова все простерлись долу, при пении ликов: «Приидите, поклонимся Ему».

Священнодействующий, сошедши со ступеней алтаря, положил крест на бархатной подушке посреди церкви, и немедленно два придворные служителя папы приступили к трону, чтобы снять с него мантию и туфли. Старец сошел босыми ногами со своей кафедры, сопровождаемый двумя церемониймейстерами, и сложив с себя митру и скуфью, стал на колени сперва довольно далеко от креста, потом несколько ближе к нему; наконец простерся ниц и облобызал честное древо.

Вслед за папой кардиналы по два в ряд, и за ними патриархи, епископы и прелаты, также босыми ногами и распустив свои мантии, совершили поклонение кресту, а в это время лики пели высоким гласом: «Святый Боже», на греческом и латинском языках, вместе с укорительными словами из пророчеств, на одном латинском: «Людие мои, что сотворих вам, или чем оскорбих? зане извел вы из земли египетския, уготовае крест Спасу своему» и проч. Музыка сия есть творение знаменитого Палестрины, и хотя пронзительны были голоса двух клириков, возглашавших укору Господни народу израильскому, но общий хор, повторявший непрестанно: «Людие мои, что сотворих вам?», равно как и пение «Святый Боже», были весьма трогательны.

За сим следовала наша обычная молитва: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресение Твое поем и славим; се бо прииде

Крестом радость всему миру», и торжественный гимн или похвала честному Кресту. Между тем, по окончании поклонения, один из диаконов, возжегши светильники на алтаре, возложил на него честное древо, и с таким же крестным ходом, с каким накануне папа относил Св. Агнец, из церкви Сикстовой в Павлову, пошел он опять туда в сопровождении всего клира, чтобы принести обратно священный потир на алтарь Сикстов, для совершения Преждеосвященной литургии. Ход ее был столь же умиротелен, как и вчерашний, но лики воспевали уже иной гимн в честь Креста: «Хоругви царския предходят, просиявает таинство креста, идеже жизнь прияла смерть и смертью изнесла жизнь».

Покадив фимиамом святому потиру, папа возвратился на свой трон: священнодействующий молча вынул из потира преждеосвященный Агнец, положил на дискос и влил в чашу воду и вино. Обедня довершилась как бы втайне, без обычных молитв. При безмолвном возношении Св. Даров папа стал опять на колена пред престолом и, после приобщения одного лишь священнодействовавшего кардинала, все вышли из церкви: вслед за литургией началась вечерня, которая заключилась тем же антифором, как и накануне: «Христос же ради нас послушлив был даже до смерти».

Из всех богослужений римских Страстной седмицы, по моему мнению, это было самое умиротеленное, но немногие его видят, даже из числа тех, которым свободен доступ в церковь Сикстову: напротив того, все опять собираются туда, в тот же день ко всеобщей, для слушания последнего «мизерере» и для церемонии, после него бывающей.

Папа, предшествуемый двором своим и стражею и последуемый кардиналами, спустился по лестнице ватиканской в храм Св. Петра, где его встретили все каноники. Он стал на колени пред решеткою гроба апостольского и ему подали хартию, где были написаны молитвы, относившиеся до святыни ему являемой; а между тем, в глубоком безмолвии и сумраке, повторилось для него, с вершины одного из столбов храма, то же явление нерукотворенного образа, честного креста и копия.

Молча встал папа и удалился в Ватикан, уже без кардиналов, молча разошлось и все их собрание. Бывало прежде, огромный крест, ярко освещенный и освещавший собою все концы храма, висел в этот великий день пред главным престолом, в память распятия Господня; но папа Лев XII уничтожил сей обряд, для избежания случавшихся в храме соблазнов. Вместо сего Григорий XVI учредил возлагать в вечер пятка (пятницы. — *Сост.*), на алтаре церкви Сикстовой, Животворящий Крест, присланный Иувеналием, патриархом Иерусалимским; но уже сей крест, трижды утраченный и опять обретаемый, лишен древнего своего кивота и украшен новым готическим, во дни Климента VII:

Господь Иисус с одиннадцатью апостолами изображен с одной его стороны, а с другой — Божия Матерь, окруженная ликами святых, с рунической надписью.

Подобное чествование Св. Креста бывает и в некоторых других церквях, в продолжение вечера Великого пятка; в обители же иезуитов положена даже для сего особенная служба, а между тем продолжают быть выставлены на алтарях и Св. Тайны, как накануне, хотя уже совершилась Преждеосвященная обедня, для которой приготовлен был Агнец.

ПИСЬМО IV *Великая Суббота*

Богослужение Великой Субботы видел я в соборе Латеранском, а не в церкви Сикстовой; но хотя я не видел некоторых исключительных церемоний, совершаемых в присутствии папы, я старался расспросить о них, чтобы составить себе полное понятие о всех церемониях римских на Страстной седмице. Начало их одинаково, как в Латеране, так и в Ватикане, ибо это есть благословение пасхальной свечи, знаменующее погребение и воскресение Господа.

Кардинал Патриций совершал службу в Латеране. Вне храма иссечен был диаконами новый огонь из кремня и, с молитвою священнодействующего, окроплено святою водою пять зерен фимиама, предназначенных для пасхальной свечи; между тем погасили все светильники, чтобы возжечь их новым огнем. Диакон, держа в руках трикирий, засветил сперва среднюю ветвь его во вратах, произнес громко: «Свет Христов!». Все преклонили колена, и лик отвечал ему: «Богу благодарение»; то же действие и те же слова повторились на середине храма, при возжжении второй ветви трикирия, и в третий раз уже у самого престола.

«Да ликовствуют небесные силы!» — возгласил диакон, и во время долгого величания, изображавшего радость мира о воскресении Христовом, пять зерен фимиама положены были на верх пасхальной свечи и возжжены новым огнем самая свеча и все лампы, дабы тем выразить, что от Господа проистекает просвещение Его Церкви. Церемония сия напомнила мне возжжение святого огня над Гробом Господним, в храме Иерусалимском, и быть может, имеет с нею некоторое сходство. Потом следовало, как у нас, чтение 13-ти паремий, которые большей частью были сходны с нашими, и первая из них, из книги Бытия, читалась прежде на греческом. Последняя — о трех отроках Вавилонских, и после каждой преклоняла вся церковь колена.

По окончании паремий все духовенство попарно, с хоругвями и крестами, двинулось из собора Латеранского в крещальню Константину, которая была так наполнена народом, что мне не оставалось никакой надежды в нее проникнуть; но случилось, что тот же аббат, который в первый раз встретил меня в Латеране, был восприимчивым от купели крещаемого, и он, со свойственной ему любезностью, открыл мне вход не только в здание крещальни, но даже в самое место, где совершалось крещение, и там я был один только мирянин посреди клира.

<...> Посреди здания находится восьмиугольный водоем, обставленный порфиоровыми и белыми столбами в два яруса, по осьми в каждом, а наверху их столько же картин, изображающих житие Крестителя Иоанна: на стенах начертаны фресками обращение и крещение великого Константина, и с трех сторон крещальни примыкают к ней три древних придела, во имя Крестителя, Евангелиста и Мучеников, с мученическими костями под их алтарями.

Посреди водоема, в который спускаются несколькими ступенями, стоит базальтовая купель, где освящают воды. Сам кардинал совершал освящение, почти совершенно с теми же обрядами и молитвами, как и у нас; но только он погружал в воды и пасхальную свечу, и не только вливал в них обычный елей, но и самое миро крестообразно, которым в нашей Церкви помазывается только крещаемый, в залог своего утверждения в вере.

<...> После крещения крестный ход возвратился в базилику... Долгие литании или молитвы к Господу и Пречистой Его Матери и всем святым, с простретием на землю, предшествовали литургии, а между тем возжжены были новым огнем все светильники и, как у нас, переменили облачения, ибо уже наступал день Воскресения. У римлян же даже и наступил, потому что для избежания беспорядков, случившихся в ночь Пасхи, папы отменили ночное богослужение и присоединили раннюю литургию Пасхи к субботней, или, лучше сказать, заменили ее субботней; посему праздник Рождества, сохранивший в Риме свою ночную службу, гораздо торжественнее Пасхи.

Пока кардинал совершал, еще до литургии, рукоположение многих церковнослужителей, как в предшествовавшую субботу, раздался гром пушек с замка Св. Ангела, и звук колоколов возвестил, что в церкви Ватиканской уже празднуется Воскресение Христово.

<...> Там, как я потом узнал, после чтения паремий, на коих не присутствует папа, он входит, уже в белой одежде, и изменяются облачения алтарей; кардиналы же надевают на себя багряные мантии, вместо лиловых, и над престолом падает завеса с богатой ткани, изображающей Воскресение Христово; все сие во время пения: «Слава

в вышних Богу», которое некогда возглашалось там одними только епископами. В эту минуту благородная стража римская и швейцарская поднимают обнаженные мечи свои и секиры, опущенные накануне в знак печали.

После чтения послания к колоссеям: «Братие, аще со Христом воскреснете, вышних ищите» (гл. III) иподиакон папский, преклонив колена сперва пред алтарем, а потом пред троном, возгласил: «Отче святыи, возвещаю тебе радость велию, еже есть аллилуия!», и громогласное «аллилуия» раздалось в церкви в знак окончания дней постных и начала пасхального торжества; гул пушек и колоколов возвестил оное Риму; затем следовало Евангелие то же, что и у нас, и обычная обедня с вечернею.

ПИСЬМО V *Пасха Христова*

Наступил вечер Великой Субботы, не ознаменованный никакими высокими (с. 166) обрядами в Риме <...>. Наконец воссиял и давно желанный день Пасхи. Толпы народа устремились к Ватикану; все улицы, туда ведущие, наполнились вереницами карет, духовных и мирских сановников Рима и всех иностранных посланников. Конные и пешие войска папские стояли от моста Св. Ангела до площади Ватиканской... Удвоена была стража при вратах замка Св. Ангела, мимо которого протекало все народонаселение Рима, в собор Св. Петра.

Вся площадь заблаговременно была покрыта народом и войсками: серебристые волны фонтанов кипели римским солнцем и с шумом падали в свои мраморные водоемы; что-то необычайно праздничное одушевляло необъятную площадь. И вот стоящим в длинном портике Ватикана показалось еще в большем отдалении, на верхних ступенях царственного крыльца его, которое бежит от взоров все выше и выше, под бесчисленные аркады своих восходящих сводов, — нечто ярко движущееся и непрерывно идущее. Казалось, волны потока переливаются в лучах солнца, по бесчисленным ступеням, ими поглощаемым, доколе не обратились все в одну величественную реку, исходившую из горних невидимых истоков и плавно втекавшую в широкий притвор базилики Петровой.

Это было шествие папское! — царственный выход первосвященника и обладателя римского, в свою придворную базилику, великолепнейший из храмов вселенной! Величие хода соответствовало величию мест, вполне удовлетворяя взоры пышностью зрелища. Сперва показалась стража швейцарская, в своих готических одеждах, начертанных

рукою Микель-Анджело, с высокими алебардами, как бы отрывок чего-то давно минувшего и его предвозвестие. Церемониймейстер, в черной венецианской одежде, открывал самый ход. За ним следовали домашние, по-нашему, крестовые, клирики и сановники папские, как-то: проповедник апостольский, духовник двора его, прокураторы различных монашеских орденов, каждый в свойственной ему одежде; капелланы придворные, в красных мантиях с горностаевым воротником: они несли 4 митры патриаршие и папскую тиару; комнатные его адъютанты, иначе — синкеллы, и почетные камергеры, также в багрянице; адвокаты консисторские, в лиловых мантиях с горностаем, и певчие в лиловых рясах; потом еще иные духовные члены и советники судебных мест, магистр священных палат в белой доминиканской одежде, и магистр странноприимной больницы в одежде светской; иподиакон крестовый, с выходным крестом, и семь аколифов, которые несли кадильницы и семь Свешников в память апокалиптических; потом другой иподиакон латинский промежду двух диаконов греческих, все духовники базилики Петровой в облачениях: ибо здесь уже начинался ход собственно церковный, а за ними аббаты или архимандриты в белых митрах и ризах; потом епископы, архиепископы, патриархи титулярные восточных престолов, иные в облачениях своих стран, как например, армянский и униатский епископы, все же прочие в белых ризах или мантиях, отороченных золотом и белых митрах; наконец, кардиналы-диаконы, пресвитеры и епископы, все в митрах, но по разности своих степеней, одни в стихарях или далматиках, другие в ризах священнических, третьи в архиерейских или мантиях.

<...> Вслед за кардиналами явились, в своих золотых мантиях, три сенатора римские, и губернатор столицы и один из князей мирской ассистент папского трона, в черной светской одежде, и великие конюший и маршал и два главные церемониймейстера, а за ними ближайшие духовные ассистенты папы во время богослужения: два кардинала-диакона и декан их или старший, сана епископского; а потом начальник швейцарской гвардии, в стальных позлащенных латах, и весь военный штаб благородной гвардии римской, в красных мундирах, и генералиссимус папских войск со своими адъютантами, а там опять придворные с сербрыными булавами.

<...> Внезапно показалась, на верхних ступенях царского крыльца, великолепная сень подвижного трона, несомого 12-ю конюшими в красных одеждах; 8 клириков поддерживали балдахин, двое веяли по сторонам павлиными опахалами; 7 стражей швейцарских несли около обнаженные мечи своих кантонов и курился фимиам. Первосвященник сидел под сенью, на пурпурном кресле, в белой

широкой мантии и в тиаре. Остаток его свиты следовал за ним: декан присутственных палат, с митрой святительскою в руках; его главный аудитор, казнохранитель, майордом и протонотарий, все генералы духовных орденов, в своих разнообразных одеждах, и наконец, опять стража швейцарская, начавшая и заключившая ход сей. Мимо конной статуи великого Константина, представленного в ту минуту, когда явился ему чудный крест, шествие поворотило с крыльца ватиканского в притвор базилики, и вступило в средние из пяти ее врат. Весь капитул Св. Петра, со своим кардиналом-протопресвитером, встретил в них первосвященника, и внезапно раздались, с внутреннего балкона, литавры благородной стражи римской, а хор его певчих возгласил ему в ту минуту, как он переступал порог церковный, слова евангельские: «Ты еси Петр, и на сем камне созижду Церковь Мою!».

<...> Папа внесен был в собор, и был принесен уже совсем облаченный к престолу. Разность, которую я смог заметить в его облачении против обыкновенного, состояла в том, что вместо широкой мантии («плювиале») на нем была узкая священническая риза («казула»), поверх стихаря, и омофор («паллиум») с наперстным крестом; царственная тиара заменена была золотою парчевою митрой, когда он приблизился к алтарю. Обычное поклонение кардиналов, патриархов, епископов и прелатов, с целованием руки, колена и ноги, ознаменовало начало богослужения.

Папа сошел со своего трона, чтобы приступить к священнодействию; но прежде сего, в знак мира христианского, облобызал трех младших кардиналов-пресвитеров, которые, по толкованию римскому, представляют в сию минуту трех волхвов. Прочитав входные молитвы и окадив алтарь, папа поцеловал его доску и возвратился на свой трон... На алтаре стояли папская тиара, посреди 4-х патриарших митр, в знак его господства над всеми, и 7 светильников Апокалипсиса, с двумя драгоценными изваяниями верховных апостолов.

...Сам первосвященник возгласил: «Слава в вышних Богу, и мир всем»; два иподиакона читали, на латинском и греческом, послание к коринфянам: «Братие, очистите ветхий квас» (I. гл. V), за коим следовал антифон праздника, довольно стройно пропетый хором певчих: «Жертве пасхальной принесите хвалы, христиане, Агнец искупил овец, Христос безвинный Отцу примирил грешников; смерть и жизнь единоборством ратовали дивным и начало вождь жизни умерший царствует яко жив». И тот и другой иподиакон подходили вместе, с книгою посланий в руках, целовать после чтения ногу папы. Кардинал-диакон, взяв книгу Евангелия на алтаре, пришел также просить благословения Первосвященника, у подножия его трона,

сопровожаемый семью аколифами со светильниками, которые изображают 7 свешников Апокалипсиса, и 7 даров Св. Духа, и 7 главных базилик римских.

Прочитав нараспев Евангелие от Марка, о явлении Ангелов мироносицам, кардинал уступил место свое у наложия греческому диакону, с двумя только аколифами... Во время пения Символа веры, при сих словах: «Нас ради человек и нашего ради спасения шедшаго с небес», папа и вся церковь благоговейно преклонили колена.

Тогда кардинал-диакон, с иподиаконом латинским, предшествуемые церемониймейстерами с булавами, приступили к алтарю и разостлали на нем роскошную пелену; иподиакон же с ризничим принесли, со стоявшего в стороне наложия, сосуды для священнодействия, предварительно ими омытые, и антиминс, который был также положен на престол. После окончания Символа, во время пения предначинательных псалмов, папа омыл себе руки на троне, при служении ему одного из сенаторов римских, и подошел со своими духовными ассистентами к алтарю.

<...> Все прочее в литургии следовало обыкновенному порядку службы епископской; только, по обеим сторонам папы, стояли сослужившие ему кардинал-диакон и иподиакон, на ступенях алтаря, а у его подножия два младшие кардинала-диаконы, представлявшие собою лицо Ангелов, благоговееющих пред Св. Дарами. Освятив Дары, первосвященник поднял, в руках своих, освященный Агнец, показал его на три стороны народу, а потом благословенную им чашу, и в эту торжественную минуту раздались трубы, из глубины храма, все войска пали на колена, воздав оружием честь таинству, и весь народ простерся на землю. Минута сия была поистине высока.

После молитвы Господней и трогательного пения: «Агнче Божий, вземляй грехи мира», папа дал целование мира старшему из кардиналов, положив руки на рамена его, а он передал сие лобзание братии своей епископам, равно как и кардинал-пресвитер и диакон, каждый свойственному по себе чину, и так, от одного к другому, перешло оно по всем степеням церковным до последнего клирика. Между тем папа возвратился опять на свой трон, а кардинал-диакон остался у престола, как при начале литургии, которая таким образом совершалась на весьма большом расстоянии священнодействующего от места приношения жертвы.

<...> Когда папа, после освящения Даров, удалился от алтаря и взошел на свой трон, кардинал-диакон, подняв высоко дискос с освященным Агнцем, послал его к Первосвященнику чрез иподиакона, и сам, вознеся таким же образом чашу, понес ее к трону; во время сего шествия благородная римская гвардия, стоявшая по сторонам,

и все кардиналы и прелаты, преклонили колена, равно как и сам папа на высоте своего трона.

<...> Сам он, со свойственным ему благоговением, приступил к приобщению, разделив Агнца между кардиналом-диаконом и иподиаконом, и вкусив от чаши, чрез посредство золотой трубочки, приобщил просто сослужителей и отпустил Св. Дары к престолу, для их довершения: опять вся церковь пала на колена пред мимоносимыми. Тогда кардинал-диакон принес к трону папскому другие запасные части Св. Агнца, и папа приобщил ими, из своих рук, кардиналов, не имевших степени пресвитерской, а также и некоторых почетных мирян: князя римского, прислуживавшего у трона, и трех охранителей римских... Потом папа, омыв себе руки, возвратился опять к алтарю, оттоле трижды осенил он народ и там прочтено было начало Евангелия Иоаннова, коим заключается всегда литургия у римлян.

Когда же он сошел со ступеней алтаря и помолился у приготовленного для него наложия, опять надели на него царственную тиару и он сел на свое подвижное кресло, а с вершины балкона, одного из четырех столпов поддерживающих купол, показали ему, как и в Великую пятницу, святыню Креста Господня, копье и нерукотворенный образ. Потом понесли его в так называемую ложу Ватиканскую, на высокий балкон главного входа, для торжественного благословения, и все устремились на площадь или на боковую колоннаду.

На сей раз благословение было весьма торжественно, потому что толпы народа наполняли площадь и яркое солнце ее освещало, как бы участвуя в празднестве. Около самого балкона теснились поселяне, пришедшие из соседних гор для получения индульгенций; войска папские пешие и конные, расположены были на самой середине площади, близ обелиска, и до пятисот экипажей стояли промежду народа, около плещущих фонтанов. Обширный намет был раскинут наверху колоннады Ватиканской, для дипломатического корпуса, а на середине балкона, где должен был явиться папа, выдавалась роскошная сень, чтобы защитить его от лучей солнца, и богатая ткань висела во всю ширину перил.

И вот мало-помалу стало предзнаменовываться ожидаемое явление Первосвященника: сперва показался выходный крест его, потом тиара и митры расставлены были на перилах, и начали мелькать попарно другие митры на главе кардиналов, которые один за другим подходили к перилам, чтобы только явиться народу и опять исчезнуть. Внезапно показалась, из глубины портика, вся особа царственного старца, в облачении белом, таинственно движущаяся на своем троне невидимыми руками носителей, и остановилась на самом краю балкона. Явление это поразительно: водворилось глубокое молчание,

после шумного звона колоколов, и ясно послышался голос старца, который прочел твердо и громко молитву благословения: «Святые апостолы Петр и Павел, коих власти и могуществу мы доверяем, сами да предстательствуют за нас пред Господом, аминь. Молитвами и заслугами блаженной Приснодевы Марии, блаженных Архангела Михаила и Крестителя Иоанна и святых апостолов Петра и Павла, и всех святых, да помилует вас всемогущий Бог, и простив вам все грехи ваши, да приведет вас Иисус Христос к жизни вечной.— Прощение и разрешение и отпущение всех грехов ваших, время истинного и многоплодного покаяния, сердце всегда сокрушенное и жизни исправление, благодать и утешение Св. Духа и конечное преспеяние в делах благих, да даст вам Всемогущий и милосердый Господь, аминь».

В сию минуту вдруг поднялся со своего кресла первосвященник, будто бы парящий в воздухе, и распростерши крестообразно руки, для благословения, произнес еще громче последние слова: «И благословение Бога всемогущего, Отца и Сына и Св. Духа, да снидет на вас и пребудет вечно: аминь». При сих торжественных словах троекратно осенил он знамением креста, и раздался гром пушек и звон колоколов; весь народ и все войско пали на колена, зрелище было точно умирительно. Вслед за тем два кардинала-диакона, прочли, на латинском и итальянском языке, полные индульгенции, даруемые предстоявшим... Опять поднялся первосвященник, на своем кресле, чтобы еще раз осенить благословением свою паству. Особа первосвященника скрылась во глубине портика, столь же таинственно, как и явилась там, посреди гула и грома.

Нельзя не сказать, что зрелище сие величественно и трогательно и может быть единственное в римском мире, и я описал его, как и вообще все богослужение Страстной и Святой седмицы, так как оно представлялось моему глазу и сердцу.

<...> Теперь скажу несколько окончательных слов о торжестве пасхальном: папа не присутствует на вечерне, хотя она совершается довольно торжественно в базилике Св. Петра, с крестным ходом, напоминающим пришествие мироносиц к упраздненному гробу. Но кардиналы собираются на вечерню в базилику Св. Марии, потому что прежде там совершал богослужение пасхальное первосвященник, и оттоле ходят они на поклонение честных глав апостольских, в собор Латеранский.

Вечером великолепное освещение купола Петрова привлекло опять толпы народные на площадь Ватиканскую. Ночь была лунная; погода ясная, картина очаровательная, будто бы отрывок волшебных сказок Востока, олицетворенных на Западе. В чудном величии

встал из сумрака исполинский храм, начертанный в темной синеве неба, огненною кистью, которая ярко обозначила все его изящные формы, как бы первую мысль гениального художника, когда она еще только блеснула его воображению и казалась несбыточной. Особенно издали, в чрезвычайной красе, обрисовались стройные линии необъятного купола, и тогда только можно было оценить их строгую изящность. Это точно было исполнение отважной мысли Микель-Анджело: Пантеон, поднятый с римской земли в римское небо и парящий в воздухе!

<...> В понедельник Пасхи папа присутствовал опять при Божественной литургии, которую совершал в церкви Сикстовой кардинал-пресвитер, без особенного церемониала, а вечером сожжен был великолепный фейерверк на террасе замка Св. Ангела... Вся малая площадь пред мостом и замком Св. Ангела покрыта была народом, который с жадностью ждет фейерверка, и правительство духовное не может ему в том отказать дважды в год: на Пасху и в Петров день; берега Тибра унизаны были зрителями, и вся река, по обеим сторонам моста, заставлена лодками; из всех окон, противоположащих замку, спущены были праздничные ковры и выглядывали стесненные головы; на всех балконах устроили богатые сени для царственных посетителей, вельмож римских и иностранных министров.

Непродолжителен был самый фейерверк, но расположен с чрезвычайным вкусом, и странно было видеть, на такой высоте, пламенные картины, начертанные в воздухе разноцветными огнями: то великолепный готический храм, со всеми своими затейливыми украшениями, то ряд обелисков и движущихся меж ними колес; то вдруг световидные водопады, льющиеся с неба и рассыпающиеся раскаленными фонтанами, так что огненная пыль их искрилась по воздуху, как бы пена от настоящих вод.

Внезапно загорелась в воздухе раскаленная крепость и с треском лопались около нее бесчисленные бураки, будто бы жерла ее орудий, а из них вылетали, голубыми звездами, ясные свечи римские в свое родное небо, умножая собою число его звезд; и вот наконец одною огненною бурей прорвался к небу весь потрясенный замок, как будто бы открылся в нем новый Везувий, и несколько тысяч ракет, блестящим снопом, взлетели на воздух, исполненный их треском и гулом; тогда опять водворились сумрак и тишина около волшебного замка, облитого сиянием месяца, и он перестал тешить изумленный народ своею чудной сказкой, перенесенной с Востока на Запад.

